

Владимир Обручев

В дебрях
Центральной Азии
(записки кладоискателя)

ФТМ

Владимир Обручев

**В дебрях Центральной Азии
(записки кладоискателя)**

«ФТМ»

1951

Обручев В. А.

В дебрях Центральной Азии (записки кладоискателя) /
В. А. Обручев — «ФТМ», 1951

В повести автор использует богатый материал, собранный им во время своих экспедиций по Центральной Азии, а также материалы экспедиций других крупнейших русских путешественников. Перед читателем возникают яркие картины природы Центральной Азии, легендарного озера Лоб-нор, таинственного мёртвого города Хара-Хото, фантастического «Эолового города», который был открыт академиком В.А.Обручевым, и множества других местностей Центральной Азии.

Содержание

Моё знакомство с кладоискателем	5
Золото на старом руднике	9
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Владимир Афанасьевич Обручев

В делях Центральной Азии.

Записки кладоискателя

Моё знакомство с кладоискателем

В мае 1905 г. я приехал в Чугучак, небольшой китайский городок, расположенный недалеко от границы Семиреченской области. Я собирался начать изучение соседней части Джунгарии, почти не известной в то время в геологическом и даже в географическом отношении обширной области Китая, несмотря на её близость к нашей границе и лёгкую доступность.

Через Джунгарию проходили экспедиции Пржевальского, Потанина, Певцова, Роборовского и Козлова, направлявшиеся в глубь Центральной Азии или в Тибет или возвращавшиеся оттуда на Родину. Но отважные путешественники или торопились в эти далёкие края, или возвращались оттуда усталые. В том и другом случае они уделяли мало внимания этому преддверью главной области своих работ, и оно оставалось слабо изученным.

Для моей экспедиции нужно было купить верховых и вьючных лошадей, нанять переводчика и проводника, заготовить сёдла, сухари и другую провизию и получить от китайских властей паспорт на свободный проезд по области. Поэтому я прежде всего отправился к русскому консулу Сокову¹, с которым познакомился ещё 10 лет назад, возвращаясь из китайской экспедиции. Он был тогда секретарём консульства в Кульдже, а теперь сделался консулом в Чугучаке, и я предварительно списался с ним об условиях работы в Джунгарии.

Соков уже ждал меня и даже нанял для экспедиции квартиру в торговом предместье Чугучака, недалеко от консульского дома. Когда я пришёл к нему, он вызвал местного жителя русской колонии, татарина Мусина, для помощи в закупках и снаряжении, а относительно паспорта уже начал переговоры с китайским даотаем – начальником уезда.

– А в качестве проводника и переводчика я могу рекомендовать вам здешнего старожилу Кукушкина. Он совершил уже целый ряд экспедиций по Джунгарии, побывал в Урумчи, в Турфане, в пустыне Такла-Макан и на Лоб-норе. Он говорит по-монгольски и по-киргизски, немного даже по-китайски.

– Это было бы великолепно! – воскликнул я. – Но такой опытный проводник, пожалуй, запросит очень дорого, а у меня средств на экспедицию не так много.

– О, нет! Он очень скромный человек и большой любитель путешествий и приключений. Мы называем его кладоискателем.

– Какие же кладу он искал в пустынях и горах Азии?

– Искал и находил золото в старых рудниках, древние монеты, утварь, драгоценности в развалинах древних городов. Живёт безбедно в собственном домике. Боюсь только, что он не поедет. Ему далеко за семьдесят, и он уже лет семь никуда не ездил. Но попытаемся. Во всяком случае, он даст вам хорошие сведения о дорогах, интересных местностях, поможет найти проводника.

Я, конечно, согласился и спросил, где живёт кладоискатель.

– Сперва я узнаю, в городе ли он, – сказал консул. – За городом он арендует заимку с садом и огородом и летом большею частью живёт там.

Весь день я был занят с Мусиным закупкой лошадей, а вечером опять посетил консула.

– Завтра Кукушкин будет дома. Я предупредил его, что мы придём, – сказал мне Соков.

---

¹ В третьем издании восстановлены истинные фамилия, имя и отчество русского консула в Чугучаке С.В.Сокова.

На следующий день мы пошли к кладоискателю. Он жил недалеко. Через калитку в довольно высокой глинобитной стене мы попали в обширный двор, затенённый несколькими старыми деревьями карагача. В глубине двора стоял одноэтажный домик из жёлтого кирпича с плоской крышей, покрытой не глиной, как у большинства домов в предместье, а листовым железом. По обе стороны входной двери было по два небольших окна с цветными наличниками и ставнями с букетами ярко-красных роз, придававшими домику нарядный вид. Справа вдоль стены двора стоял солидный амбар, а дальше вглубь – навес, под которым виднелись телега, небольшой тарантас и большая поленица дров, – свидетельство запасливости хозяина.

Слева в глинобитном скромном домике, очевидно, помещалась кухня и жильё прислуги, а из будки возле него выскочила и залаяла большая собака, гремя короткой цепью. Подальше у той же стены виден был навес с яслями и конюшня. Лай собаки вызвал хозяина, появившегося в дверях домика.

– Здравствуйте, Фома Капитонович! – приветствовал его Соков, протягивая руку.

Кукушкин был среднего роста, худощавый и немного сутулый. Лицо бронзового цвета имело монгольский облик: узкие и чуть косые глаза, плоский нос, выдающиеся скулы, тонкие седые усы и жиденькая бородка. На голове китайская чёрная шапочка с красной шишкой, на плечах – поношенный халат китайского фасона из синей дабы и на ногах войлочные туфли на толстой подошве. Встретив Кукушкина на улице, я бы, несомненно, принял его за старого китайца.

Консул представил меня, и мы вошли в комнату, расположенную справа от небольшой полутёмной прихожей. Это был кабинет хозяина. Простой письменный стол, покрытый зелёной клеёнкой, пузырёк с чернилами, несколько листов бумаги. Справа – кучка книг квадратного формата в странных переплётах из дощечек, скреплённых жёлтыми лентами – тибетских рукописных, как я узнал позже. Слева большая бронзовая статуэтка какого-то буддийского божка с круглым улыбающимся лицом и цветком в поднятой руке. Возле стола несколько тяжёлых китайских кресел, в которые мы и уселись. У задней стены небольшой кан, т. е. китайская тёплая лежанка, но из цветных кафельных плиток и неширокая, на двух человек, покрытая хотанским ковриком с геометрическим узором. На кане – китайский ватный валик вместо подушки. На стене над каном висели две длинные китайские картины из сильно потемневшей шёлковой материи с вышитыми на ней пейзажами, домами и людьми. Справа от кана – большая этажерка с книгами в переплётах и без них. На окнах белые кисейные занавески и горшки с какими-то странными, незнакомыми мне цветами.

Я успел рассмотреть всю обстановку комнаты, пока Соков рассказывал Кукушкину, кто я такой и с какой целью приехал в Чугучак.

– Вот бы вам, Фома Капитонович, вспомнить старые годы проводить русскую экспедицию по Джунгарии. Наконец-то обратили внимание на то, что мы совсем не знаем эту пограничную область, – сказал Соков. – Вы ведь изъездили её вдоль и поперёк и могли бы оказать большую помощь.

Кукушкин вздохнул и покачал головой. – Поздно, Сергей Васильевич! Лет пять назад я бы поехал с большим удовольствием. Но одолел ревматизм. Сказались старые похождения. Вспомните, как долго я хворал зимой, не мог даже поздравить вас с светлым праздником.

– Знаю, знаю, – ответил консул. – Но я думал, что вы поправились к лету и сможете поехать. Не так ведь далеко, – в соседние горы.

– Я на коня-то уже не взберусь, Сергей Васильевич! Даже на заимку, совсем близко от города, в тарантасике езжу. В горы в нём не поедешь. И спать могу только на тёплом кане, в палатке не усну, всю ночь буду охать и стонать! Где уж мне ездить, наездился!

– Очень жаль, Фома Капитонович! Теперь бы ваши знания здешних гор очень пригодились. А ваш компаньон Лобсын не вернулся ли из Урги? Он ведь тоже знаток нашего края.

– Нет, ещё не вернулся. Зимой с паломниками прислал мне письмо. Ещё на год решил остаться в Урге, – он для нашего консула тибетские книги переводит.

– А кого вы могли бы указать профессору из здешних бывалых людей в качестве проводника и переводчика?

Кукушкин задумался. – А вот, татарин Мусин подойдёт. Он по нашим горам много ездил, подряды у русско-китайской компании брал, уголь, лес, муку возил на их рудники.

– А как он насчёт языков?

– По-киргизски хорошо объясняется, монгольского, правда, не знает. Но в наших горах больше киргизы живут.

– Я уже послал его к профессору помочь в покупке лошадей. А вы не сможете ли профессору указать, что знаете про здешние богатства, про золото, уголь, асфальт, про древний город. Он этим очень интересуется.

– С удовольствием, всё, что смогу. Вечерком зайдите ко мне, господин учёный, я приготовлю записку и покажу вам свою рукописную карту. А Мусин знает дороги ко всем этим местам.

Соков поговорил ещё с Кукушкиным насчёт его заимки и сада, затем мы простились и вернулись в консульство. Вечером я посетил ещё раз кладоискателя, получил список известных ему месторождений золота, угля и асфальта и даже с их оценкой, довольно фантастической, как мне показалось. Он показал мне и свою карту. Горы были нанесены на ней по китайскому методу в виде маленьких конусов друг возле друга по направлению их длины. Были показаны и дороги, и месторождения, но масштаба не было, и расстояния указаны приблизительно вдоль дорог в вёрстах. Эту карту он согласился дать мне до следующего утра, и я успел её скопировать. В дополнение к списку она была полезна для ориентировки.

Консул во время наших свиданий по делам и за обедами сообщил мне следующие сведения о Кукушкине.

Фома Капитонович был родом с Алтая, куда его отец был сослан по делу декабристов, менее видных и потому не удостоенных ссылки на каторжные работы в Нерчинский край. Поселившись в живописной долине реки Бухтармы, он женился на торгоутке монгольского племени, от которой его сын унаследовал монгольский облик и знание языка. Отец завёл там пчельник и маральник, оставлявшие ему много свободного времени для чтения и размышлений. Он дал своему единственному сыну хорошее образование, приучил его к чтению книг по естествознанию и о путешествиях, которые получал с родины. Мальчик помогал ему в работах, в уходе за пчелами и маралами, осенью сопровождал его в Семипалатинск, куда они сплавливали по Иртышу партию мёда и маральных рогов, привык к передвижению, к наблюдению явлений природы. Когда отец умер, Фоме было лет около 20; его мать с двумя дочерьми продала пчельник и маральник и уехала на родину, к озеру Маркаколь, вернулась к кочевой жизни, по которой тосковала в деревне.

Фома нашёл место приказчика в Усть-Каменогорске у купца, торговавшего красным товаром в Монголии, сделался у него подручным и привык к путешествиям. Но сидение в лавке в течение весны и лета оставляло много свободного времени, и он продолжал заниматься чтением книг, которые брал в библиотеке, а у купца вёл всю переписку и отчётность. Несколько лет спустя он перебрался в Чугучак, где служил также переводчиком в консульстве при разборе торговых дел между монголами и китайцами.

– Поэтому я его хорошо знаю, – заметил консул Соков. – Он образованный человек, берёт у меня газеты и журналы, которые я получаю, а сам покупает книги, когда ездит в Семипалатинск за товарами, даже выписывает их из Москвы. На старом руднике в горах он откопал золото, забытое во время дунганского восстания, построил себе домик, который вы видели,

сам развозил товары по монгольским улусам и монастырям с помощью молодого монгола², сбежавшего в детстве из буддийского монастыря, куда отец отдал его в науку к ламам. Фома его воспитал и обучил даже русскому языку, вдвоём они совершили уже много путешествий, во время которых занялись также поисками разных кладов в развалинах древних городов. При моей помощи Фома отправлял свои находки в музеи Петербурга и Москвы и сделался знатком этих древностей буддийского культа и китайской старины вообще.

Через несколько дней я снарядил свой караван и уехал в горы на юг от Чугучака, вернулся оттуда в июле и направился через северные горы в Зайсан, где и закончил в этот раз экспедицию, не побывав ещё раз в Чугучаке. Список и карта Кукушкина почти не касались той части Джунгарии, которую я изучил в этом году.

В начале лета 1906 г. я снова приехал в Чугучак, чтобы продолжать исследования и в этот раз в той части гор, которые были на карте Кукушкина. У консула я спросил, как он поживает.

– Кукушкин умер нынче весной, – сообщил Соков. – Перед смертью он вызвал меня и передал толстую тетрадь с описанием своих путешествий. Последние годы он всё время писал их, вспоминая старое.

«Возьмите это сочинение, – сказал мне старик, – жена моя по-русски неграмотна, и у неё тетрадь пропадёт. А вы, может быть, найдёте в ней интересные вещи, поправите и напечатаете рассказы о том, как Фома Кукушкин в пустынях Азии искал и находил клады. Ведь я больше искрестил глубину Азии, чем генерал Пржевальский, хотя не побывал в Лхасе, столице Тибета, куда и Пржевальского не пустили. А разных кладов я вывез немало, как вы хорошо знаете».

Записки Кукушкина заинтересовали меня, я взял их у консула, просмотрел и нашёл, что после литературной обработки они могут быть опубликованы. Они содержали много сведений о природе, людях и приключениях кладоискателя в разных частях обширной Внутренней Азии.

Возможно, что он кое-что присочинил, кое-что приукрасил, восстанавливая по памяти встречи и события за двадцать лет своих путешествий.

Я сообщил Сокову своё мнение о записках Кукушкина.

– Возьмите их с собой, – сказал он. – Вы опытный путешественник и умеете описывать свои наблюдения, как показывают ваши труды. А я, кроме консульских донесений в министерство и протоколов по разбору торговых тяжб и мелких преступлений, ничего никогда не писал и писать не умею. Вы обработаете эти записки, и какое-нибудь ученое общество напечатает их.

Таким образом записки Кукушкина попали в мои руки. Я начал обрабатывать их в свободное время. Но такого времени у меня было очень мало, и обработка затянулась на много лет. Наконец, она завершена, и я передаю это произведение молодым советским читателям в надежде, что оно заинтересует тех, кому нравятся описания путешествий и приключений в малоизвестных странах в глубине Азии.

---

² Русские в Джунгарии местных монголов называли также калмыками.

Золото на старом руднике

Это было моё первое путешествие не по торговым делам и недалеко, вёрст 150 от Чугучака в Джаирские горы.

Я незадолго перед тем рассорился с московскими купцами, у которых служил приказчиком по торговым делам с Монголией. Они были недовольны тем, что я слишком мало продавал их красного товара, и написали мне выговор с предупреждением. А я сгоряча отписал им, что их товар плоховат и дорог, что в Монголию стал поступать товар из Индии, цветистее и дешевле московского. Советовал улучшить качество и снизить цену, иначе конкуренции не выдержать и сбыт из года в год пойдёт на убыль. Ну, толстосумы обиделись: привыкли сбывать монголам всю свою заваль. Прислали мне отставку и приказ сдать остаток товара и лавку приказчику, которого назначат вместо меня.

Ну вот, сию я в своей лавке в ожидании приезда преемника, которому должен сдать дело. Всё привёл в ясность, подсчитал наличность, подвёл баланс, и больше делать нечего. Сию и думаю, как быть дальше, чем заняться? Самому начать торговлю в Монголии не под силу. Накопил я за семь лет торговой службы тышечки две. Этого мало, чтобы снарядить караван хоть из пяти верблюдов. А взять в кредит московскую заваль – новый приказчик, пожалуй, откажет, и будет обидно вдвойне. Лицо потеряешь, – как китайцы говорят. Самому наняться к нему в подручные и вести его караван – ещё обиднее.

Сию и ломаю голову. Другого дела не знаю, с молодых лет по торговому делу работал на Алтае в Усть-Каменогорске и в Чугучаке десять лет.

И вот пришёл ко мне монгол Лобсын, который не раз водил наши московские караваны по Монголии и заслужил полное доверие. Он, так сказать, мой воспитанник. С юных лет он отцом был отдан в монгольский монастырь в ученики к ламам. Но так ему тибетское богословие опротивело, что он накануне посвящения в ламы сбежал из монастыря и в Чугучаке нищенствовал.

Я его приютил, взял подручным в лавку, приучил к работе; он оказался понятливым и прилежным. Потом стал брать его рабочим при торговом караване. Он скоро запомнил все дороги и начал заменять проводника. Помирился с отцом, вернулся в свой улус, женился, но службу у меня при караване не оставил. Полюбилась ему кочевая жизнь: полгода дома, полгода в дороге.

Так вот, Лобсын, узнав, что я получил расчёт и больше не буду снаряжать караваны, очень огорчился:

– Пришёл конец моим странствиям! – говорит он со вздохом.

– Вот приедет новый приказчик, – говорю ему, – поступишь к нему, я тебя хорошо аттестую.

– Какой будет человек ещё? С тобой у нас никогда ссоры не было. Всегда всё в порядке, и я, что полагалось, получал без спора. А другой обсчитает и ещё обругает или побьёт.

Я его уговариваю, обнадеживаю.

– А сам ты что будешь делать? – спросил он. – Уедешь к себе на Алтай, что ли? И мне грустно будет. Сдружились мы с тобой, Фома, ты меня человеком сделал.

И предложил он мне работать сообща так: я должен достать товар, а он в улусе наймёт верблюдов.

– Денег у меня мало! – говорю.

Он ушёл огорчённый. Дней пять спустя пришёл опять и показывает мне старую китайскую книжку.

– Вот, – говорит, – здесь написано, где найти деньги, чтобы купить товар и снарядить караван.

Я повертел книжку.

– Ничего не понимаю, по-китайски читать не умею. Объясни толком.

Лобсын показал мне последнюю страницу. На ней что-то нарисовано и сбоку написано на тибетском языке.

И написано, говорит, вот что: «Горы Джаир, старый рудник, здесь закопано золото».

– Я знаю, что в горах Джаир были золотые рудники. Сам могу написать такое, – говорю ему.

– Нет, – отвечает, – тут и место указано точно. Вот, смотри. Нарисована китайская фанза; от одной стены её идёт стрелка к надписи насчёт золота, а от крыши в две стороны идут стрелки к горным вершинам. По этому рисунку можно найти фанзу, в которой золото спрятано.

– Откуда достал ты эту книжку?

– У отца взял. Вспомнил, что у него во время дунганского восстания спасался китайский чиновник, бежавший от дунган из Джаирских гор. Жил он у отца лет пять, всё ждал, когда восстание кончится, да так и умер, не дождавшись. Он говорил, что на руднике у него осталось золото. Это его книжка. Я тогда учился у лам, и отец велел мне написать по-тибетски об этом золоте. «Покажи, научился ли тибетской грамоте?» Вот я и вспомнил об этой книжке и нашёл её. Не поможет ли она приятелю Фоме, думаю.

– И ты уверен, что там в горах у какой-то фанзы золото закопано?

– Наверно так. Для чего китаец берёт эту книжку и отцу велел хранить её? – «Пригодится тебе когда-нибудь, как настанет мирное время», – сказал он как-то.

– Золото, пожалуй, было закопано, но давно уже взято, дунгане искали, горнорабочие вернулись за ним. А фанза-то, наверно, сгорела или развалилась.

– Чего ты боишься? – рассердился Лобсын. – Судьба тебе клад посылает в самое нужное время, а ты сомневаешься. Поедем, поищем. Работа твоя кончена, делать тебе нечего. Я приведу коня, возьмём припасу на неделю. Я дорогу знаю, старый рудник недалеко от нашей джайляу (так летняя кочёвка называется).

– Ну, ладно, убедил! – говорю ему. – Приедет новый приказчик, сдам ему лавку и товар, тогда буду свободен и поедем твоё золото искать. Наведайся через две недели.

Недели не прошло, – прибыл новый приказчик и привёз пять телег с московским товаром из Зайсана – города, откуда хозяева перевели его мне на смену. Ну и склоку он завернул мне. Весь товар, оставшийся у меня в лавке, он собственноручно перемерил, моим записям не поверил. Даже штуки с московским ярлыком, нетронутые, на выбор проверял. Аршин тридцать недостачи у меня обнаружил, и пришлось мне полностью заплатить за них. Квартиру, которую я занимал при лавке, велел освободить, хотя другая рядом, где жил подручный, которого я уже уволил, была свободна.

– Не полагается, чтобы при лавке жил посторонний человек, – объяснил он. – Или нанимайтесь ко мне в подручные сопровождать караван, или выселяйтесь.

Пришлось мне перебраться по знакомству в плохонькую фанзу во дворе одного китайского купца.

Едва мы закончили все дела по сдаче остатков, приехал Лобсын и насилу разыскал меня на новой квартире. Зашёл ко мне в фанзу и говорит:

– Вот ты где приютился, Фома! Грязно, темно, очага нет, окна нет, кровать на кан поставил от тесноты. Видишь, так жить нельзя, нужно поехать и счастье своё искать. Запас готов ли?

Я за это время уже заготовил сухарей и баурсаков³ на 10 дней, кирпич чаю, топлёного масла, сахару. Наскоро собрал одежду. Лобсын привёл мне хорошего коня. Привязали за сёд-

---

³ Баурсаки – шарики из теста, зажаренные в бараньем сале, – вкусное и удобное для перевозки в вьючной суме дорожное печенье, заменяющее хлеб.

лами весь припас. Я взял двустволку с патронами и револьвер на всякий случай. Котелок, чашки, конечно, и каёлку, чтобы землю ковырять.

Выехали из города на восток по дороге в Дурбульджин степью по долине реки Эмель. Местность здесь такая: на севере слева по дороге темнеет хребет Тарбагатай, гребень у него ровный, склон на юг крутой, весь зелёный от кустов; снегов на вершинах нет. На юге подальше хребет Барлык ступенями поднимается, на них леса темнеют, а вдали на главной цепи Кертау белеют снега. Широкая долина Эмели ещё зеленеет, лето вначале, трава не выгорела. Впереди долину замыкают горы Уркашара, тоже зелёные, крутые. Простор, солнце печёт, небо чистое, жаворонки взлетают, заливаются.

Ехали мы то шагом, то хлынью до заката. Ночевали на речке Маралсу; она из гор Уркашар бежит, в Эмель впадает. Вдоль неё лужайки, хорошая трава. Стреножили коней, отпустили на корм, собрали аргалу, развели огонёк, сварили чай, закусили. Стемнело. Мы коней привели, возле себя к кольшкам привязали, травы на ночь нарвали им немного и легли спать. Я, конечно, городской житель, сильно устал, целый день в седле, ноги ломит, уснуть не могу. Лежу с открытыми глазами и любуюсь; небо чистое, звёзды мерцают, друг с другом перемигиваются. И всё это, как учёные люди полагают, солнца, подобные нашему, а вокруг них незаметные глазу планеты кружатся, и какие-то живые существа на них обитают. Но я издавна при виде звёздного неба о великой загадке мироздания подумывал. И начинаешь соображать, где же тот рай, о котором попы рассказывают, где он приютился – на звезде или на планете? Звёзды – это солнца, на них должно быть страшно жарко, там уж скорее мог бы быть ад для грешников, где их поджаривают, А рай, может быть, на какой-нибудь планете? Но все они страшно далеко. Ведь до нашего солнца считают сотни миллионов вёрст. Сколько же времени души умерших должны лететь до рая или ада – целые столетия? И начинаёшь сомневаться в достоверности библейского сказания о сотворении мира, о всемогущем и вездесущем творце. И вспомнил я своего отца, который был неверующим, и попа, который изредка приезжал в нашу глухую деревню из далёкой станицы для похорон, крестин и бракосочетаний, но к нам не заходил и называл отца безбожником. Отец говорил, что если бы на небе был всеведущий и вездесущий творец, он не потерпел бы, чтобы на сотворённой им грешной земле происходило столько преступлений и господствовало неравенство людей.

Наша Русь, рассуждал отец, всё ещё стоит на трёх китах – самодержавии, православии и народности. Мы, декабристы, задумали было низвергнуть самодержавие, но это не удалось сделать, потому что было преждевременно. Православие само захиреет и упразднится, когда народ делается образованным, а народность останется как единственный наш кит, когда народ проснётся и делается хозяином своего государства и своей судьбы, самодержавным и всемогущим. Я, конечно, не доживу до этого времени, размышлял он, а ты, может быть, доживёшь.

Долго лежал я, размышляя об этих трёх китах. Слышал, как кони траву жуют, как на недалёкой китайской заимке собаки лают, а ещё дальше в степи волки воют. Подумал даже, не подберутся ли они к нам. Но собака Лобсына лежала спокойно возле нас. Наконец, сон пришёл.

Проснулись, конечно, на заре, потому что под халатами продрогли. Вскочили, развели огонь, коней отпустили на росистую траву. Сидим у огня в ожидании чая, греемся.

И вздумалось мне спросить Лобсына.

– Что тебе говорили ламы в монастыре о душе человека и будущей жизни?

– По нашей вере, – ответил он, – душа человека после его смерти переселяется в другое существо – в новорожденного младенца, если покойник был хороший, или в животное – быка, барана, собаку, змею, червяка, если он был плохой. И сам Будда, творец мира, перевоплощается во многих людей одновременно. Ты ведь знаешь, Фома, что почти в каждом монастыре есть гэген, почитаемый как новое воплощение Будды, как духовный глава монастыря. А хамбо-лама в Лхасе – самый главный из этих воплощенцев. И когда какой-нибудь гэген умирает, ламы его

монастыря по тибетским книгам и разным приметам узнают, в какого младенца душа гэгена переселилась, отыскивают его и привозят в монастырь.

– Знаю я это! Привозят младенца, а пока он вырастет, старшие ламы сами управляют монастырём, как вздумается. И после взрослый гэген у них больше как кукла, для показа народу, а управляют ламы.

– Правду говоришь! Вот потому я и убежал из монастыря. Видел, как старшие ламы обижают учеников, заставляют работать на себя, а гэген ни во что не входит, ест, спит, молится и народ благословляет.

Позавтракали, оседлали коней и поехали дальше голой степью на юг, повернули между горами Уркашара и окончанием хребта Барлык. По этому проходу невысокие горки разбросаны, Джельдыкара называются, это значит «чёрные, ветренные».

– Почему их так окрестили? – спрашиваю.

– Потому что зимой здесь по временам страшный ветер дует, Ибэ-ветер, холодный. От него весь снег на этих горках тает, и стоят они голые, чёрные. А рядом на Уркашаре и Барлыке снег лежит себе, белеет. Про Ибэ-ветер ты, наверно, слышал.

– Слышал рассказы. Говорят, что он дует не только здесь, но ещё сильнее за горами Барлык, в проходе, где озёра Алаколь и Эби-Нур лежат. Там, говорят, ни киргизы, ни калмыки не живут потому, что летом очень жарко, травы плохие, корма мало, а зимой Ибэ часто дует такой сильный, что устоять нельзя, завьюченных верблюдов уносит словно сухие кусты перекасти-поле, а люди замерзают.

– И ещё говорят, – сказал Лобсын, – что на озере Алаколь есть остров с каменной горой, а в горе большая пещера. Из этой пещеры Ибэ-ветер со страшной силой вылетает. Однажды киргизы целым аулом собрались в тихий день, вход в эту пещеру заложили бычачьими шкурами и завалили камнями, чтобы Ибэ больше не вылетал оттуда. Очень надоел им этот Ибэ. Но пришло время, и Ибэ рассвирепел, вырвался, камни отбросил, шкуры разметал и дует по-прежнему.

– Ну, это уже басни! – говорю ему. – Мне консул как-то рассказал, что лет сорок назад какой-то учёный из России приехал, чтобы осмотреть эту пещеру на острове, про которую такие слухи ходят. И никакой пещеры в горе не оказалось, гора каменная сплошная. А Ибэ вовсе не с острова начинается, а дует по всей широкой долине от озера Эби-Нура. Это холодный воздух из Джунгарской пустыни по долине между горами Майли и Барлык с одной стороны и Алатау – с другой на север стекает в виде Ибэ.

– Здешний ветер называют Кулусутайский Ибэ, – пояснил Лобсын. – Из-за него в горах Джельды кочевники также не живут. Только у самого подножия Уркашара прячутся китайские заимки. Там и идёт зимняя дорога из Чугучака, чтобы путник, застигнутый Ибэ, мог укрыться от него. Только непонятно мне, почему люди от Ибэ замерзают, а снег тает.

– Потому что ветер хотя не морозный, но холодный и при своей силе пронизывает человека до костей; человек не замерзает, а коченеет, – пояснил я в свою очередь Лобсыну.

Часа два мы ехали по этому проходу чёрных ветренных гор, а затем выбрались в широкую долину, где трава стала выше и гуще.

– Это место называют Долон-Турген, – сказал Лобсын.

– Здесь зимние пастбища хорошие. Как только кончится Ибэ и сгонит снег со степи, сюда со всех окрестных улусов пригоняют скот кормиться.

– А я думал, что Ибэ дует всю зиму.

– Нет, он дует в холодные месяцы день, два, три, редко неделю, а потом несколько дней погода тихая.

Впереди уже выступал хребет Джаир в виде длинной почти ровной стены, далеко протянувшейся с востока на запад. Справа от нашей дороги вскоре показался длинный красный яр; вдоль его подножия серебрилась речка.

– Это Май-кабак, – пояснил Лобсын.

«Сальный откос», мысленно перевёл я и спросил, почему его назвали так.

– Не так давно здесь погибло целое стадо баранов. Они паслись в степи над этим яром. Налетел сильный буран, стадо бросилось по ветру вниз по откосу, завязло в глубоком снегу и замёрзло. Весной снег стаял, солнце пригрело трупы, из курдюков стало вытапливаться сало и пропитало всю землю. С тех пор и зовут это злополучное место Май-кабак.

– Что же, многие калмыки потеряли всех своих баранов и обнищали? – спросил я.

– Нет, стадо принадлежало богатому баю. Разве у рядового кочевника может быть столько баранов! А бай заставил своих пастухов, когда снег стаял на откосе, снять с дохлых баранов шкуры с шерстью и подобрать протухшее мясо, чтобы кормить своих собак.

По мере того как мы приближались к Джаиру по степи Долон-турген, его ровная стена начала распадаться на отроги, разделённые глубокими долинами. Мы спустились в одну из них. По дну струился чистый ручей; вдоль него росли кусты тала, черёмухи, боярки, кое-где тополя. Одна лужайка манила к себе для отдыха. Развели огонёк, повесили чайник; коней, немного выдержав, пустили пастись, а сами прилегли в тени переждать жаркие часы.

Потом поехали дальше вверх по этой долине. Местами она представляла ущелье между красно-лиловыми скалами. Одна скала походила на огромную голову с пустыми глазницами, из которых вылетела пара диких голубей. Дальше на склонах появился молодой лес, подъём стал круче, и долина превратилась в широкий плоский луг с хорошей травой и журчащим ручейком. Пологие склоны представляли хорошие пастбища. Это были джайляу – летовки.

Впереди несколько киргизов развьючивали верблюда. Женщины в белых колпаках ставили решётчатые основы кибитки (юрты). По склону уже рассыпалось стадо овец, несколько коров и лошадей. Кричали и бегали дети, лаяли собаки.

Когда мы подъехали к киргизам, прибывшим на летовку, пришлось начать обычный разговор, обмен новостями, спросить о здоровье скота, сообщить, откуда и куда едем. Я, конечно, не сказал, что мы едем искать золото, а сказал, что едем на охоту за архарами в горы Кату.

Из верховьев этой долины мы выехали на поверхность Джаира. Я был удивлён, что этот хребет имел совершенно ровный, широкий гребень, сплошь покрытый мелкой, но довольно густой травой. Нигде не видно было скал, и по этому гребню можно было ехать не только верхом, но даже в телеге в любом направлении. Лобсын повернул на восток, и мы ехали около часа по гребню, местами представлявшему плоские холмы и ложбины. Потом гребень свернул на юг, и мы спустились в плоскую широкую долину, подобную той, на которой застали прибывших на летовку, но только расположенную на южном склоне Джаира.

В этой долине стояли три юрты, и Лобсын направился к ним.

– Вот и мои перекочевали на джайляу, – сказал он. – Мы у них переночуем, а завтра поедем на ближний рудник. Но, Фома, не говори, зачем поехали!

– Само собой, болтать нечего! – согласился я.

Одна из юрт принадлежала семье Лобсына, другая – его родителям. Нас встретили приветливо, окружили, засыпали вопросами.

– Вот, я приехал к вам со своим хозяином Фомой, – сказал Лобсын родителям, – мы завтра поедем дальше на охоту, а сегодня погостим у вас.

Юрта Лобсына была чистая и хорошо обставлена благодаря его заработкам у меня. Войлоки были белые, толстые. Вдоль стен стояли сундучки, а в одном месте полочка с бурханами и перед ними медными стаканчиками для курительных палочек. На стенках висела одежда, бурдюки с маслом, тарасуном, чурой (сухим творогом).

Посреди юрты – очаг с чугунной треногой, на которой в большом котле варился чай, заправленный молоком, солью и маслом в виде супа. Мы достали сухари, сахар и баурсаки, чайные чашки. Нам предложили варёную баранину на деревянном блюде, сушёные пенки на другом.

Население всех трёх юрт собралось в юрту Лобсына, и разговоры за чаепитием были очень оживлённые. Потом курили маленькие монгольские трубки, а меня угощали нюхательным табаком, который из маленького пузатого флакона высыпают на ноготь большого пальца, чтобы поднести к носу.

Ночевали в этой юрте на войлоках, разостланных вокруг очага. Но ночь не была такой спокойной, как накануне в степи. Рядом храпели люди, снаружи доносилось бляение овец, лай собак, фыркание лошадей, рёв верблюда. Проснулись рано, но нас не отпустили без чая, который варили целый час.

Долина, в которой стояли юрты, составляла верховье одного из истоков реки Дарбуты. Мы поехали вниз по этой долине, она мало-помалу врезалась в горы глубже и, наконец, соединившись с другой, подобной же, вышла к старому золотому руднику Ва-Чжу-Ван-цзе.

– Это был самый западный из рудников Джаира, – сказал Лобсын. – Попробуем проверить приметы, которые в книжке написаны.

Правый склон долины был крутой и скалистый, а левый – более пологий и поросший травой. В нескольких местах на нём серели стены брошенных фанз рудокопов, все без крыш, оконных и дверных колод, давно уже взятых кочевниками на топливо. На дне долины среди галечных площадок и зарослей кустов извивалось русло довольно большой речки Дарбуты; там же белели кучи песка. Это были отвалы размолотого кварца золотоносных жил. Рудокопы добывали его в шахтах на склоне и носили вниз к реке, где его дробили и промывали в воде речки.

В самой нижней из фанз мы сложили свои вещи, расседлали лошадей и пустили их пастись по склону. Я встал внутри фанзы, достал книжку с планом и, поворачивая его, смотрел, не попадут ли нарисованные на нём две стрелки на горные вершины, похожие на изображённые. По направлению одной стрелки на гребне склона была видна плоская вершина, но форма её не такая, как на плане; по направлению второй стрелки никаких вершин не было видно.

Лобсын стоял возле меня и с большим вниманием следил за моими действиями. Он быстро сообразил, в чём дело, и мы согласились, что в фанзе, в которой мы находились, золото не зарыто. Затем мы обошли развалины десятка фанз на склоне, в каждой прикидывали план, но ни одна не оправдала ожиданий; по направлению то одной, то другой стрелки, а иногда и обеих, не было вершин, похожих на нарисованные.

– Лобсын, – заявил я на самой верхней фанзе, – этот рудник, очевидно, не тот, который нам нужен. Где находятся другие рудники?

– Три ближайшие – это Чий-Чу. Они недалеко отсюда, за речкой Анггырты под горами Катун. Потом в горах Катун были рудники Бель-Агач. Эти я тоже знаю. А на самых дальних я не бывал: там ни воды, ни корма нет.

– Поедем на рудники Чий-Чу.

– Сперва надо пообедать. На Чий-Чу речки нет, пришлось бы брать гнилую воду в старой шахте. И корм там плохой для коней. Пусть они попасутся здесь.

Совет был правильный. Мы спустились к нижней фанзе. Лобсын побежал к речке за водой, я набрал аргалу и хвороста. Пока грелся чайник, мы осмотрели разработки возле этой фанзы.

По жиле белого кварца, которая тянулась наискось по склону, чернели друг возле друга глубокие ямы. Это и были китайские шахты. Они уходили вглубь круто и далеко, а отделялись друг от друга стенками кварца, т. е. участками жилы, оставленными для того, чтобы поддерживать висячий бок жилы от обрушения. Никакого крепления не было, как не было и чего-либо похожего на лестницу. Только в лежачем боку, т. е. в породе под кварцем жилы, были выбиты выемки или площадки; ставя на них ноги, рудокопы спускались в глубь шахты и так же поднимались вверх с грузом выломанного кварца в мешке или корзине на спине.

Ямы – шахты были так глубоки, что дно их скрывалось в темноте. Камень, брошенный туда, катился несколько секунд прежде, чем мы услышали плеск от его падения в воду. Судя по этому, шахты имели не менее 10 сажён глубины.

Я внимательно осмотрел кварц жилы в стенке, оставленный между двумя соседними ямами, но не нашёл в нём видимого золота. Очевидно, рудокопы углубляли свои ямы по тем участкам жилы, где в кварце было видимое золото, оставляя участки, где его не было видно, хотя и в них, наверно, тоже было золото, только невидимое неопытному глазу.

Напившись чаю и отдохнувши, мы поехали дальше. Тропа поднялась по левому склону мимо шахт и перевалила в сухой лог, который открывался в долину Дарбуты ниже рудника. Мы проехали вверх по этому логу, ещё два раза переваливали в другие лога, кое-где видели неглубокие старые ямы. Но фанз при них не было. Часа полтора спустя мы выехали в довольно широкую долину с лужайками, рощами, зарослями по берегам чистой речки Ангырты.

– Здесь надо напоить коней, – заявил Лобсын. – На руднике Чий-Чу речки нет. Мы там до ночи, может, и не управимся и придётся ночевать без воды.

Мы напоили коней, напились сами и наполнили ещё большую бутылку, которую Лобсын захватил из своей юрты. За речкой пошли плоские, почти голые холмы. Слева от них поднимались крутые склоны гор Катус; видны были ущелья, скалистые вершины. Горы тянулись вдоль дороги на восток.

– Вот первый рудник Чий-Чу! – сказал Лобсын, указывая на развалины фанз, белевшие на плоских холмах, когда мы проехали версты 4 от речки.

Местность здесь была мало привлекательная. На холмах росла только полынь и другой бурьян мелкими кустами, травы почти не было. Вдоль и поперёк тянулись китайские шахты, т. е. те же ямы по жилам, а возле них то тут, то там стены фанз, опять без крыш и с пустыми оконными и дверными отверстиями.

Мы остановились у первой попавшейся фанзы и спешили. Коней нельзя было отпустить – в поисках корма они могли уйти далеко. Лобсын держал их, а я, вынув книжку, начал прикидывать план с рисунком фанзы и стрелками. На плане не было стрелки, указывающей полуденную линию. Я, конечно, держал его перед собой так, чтобы фанза стояла крышей вверх и при этом сам смотрел на север.

При таком положении плана в моих руках стрелки от фанзы шли на юго-запад и юго-восток. Но в этих направлениях никаких заметных горных вершин не было. Местность к югу от рудника Чий-Чу представляла однообразные плоские холмы.

– Ничего не выходит! – сказал я Лобсыну, стоявшему рядом. – Видишь, никаких гор в той стороне, куда идут стрелки, нет. И в других фанзах будет то же самое. Видно, золото не на руднике Чий-Чу.

– А горы Катус ты не видишь? – воскликнул Лобсын, указывая на цепь скалистых гор, которая закрывала весь северный горизонт и тянулась недалеко от рудника. – Поверни план и стрелки укажут тебе горы Катус.

Я повернул план, оставаясь в том же положении. Стрелки теперь, действительно, шли к горам Катус на северо-запад и северо-восток. Но фанза была на плане передо мной крышей вниз. Странно!

И тут я вспомнил, что китайцы всегда ориентируют свои планы и карту так, что север обращён к наблюдателю, а юг от него – в противоположность тому, что делаем мы, европейцы. Мы кладём карту перед собой так, что север находится сверху, а юг внизу. И если повернуть планы в книжке по-китайски, т. е. югом от себя и смотреть на юг, то фанза на нём будет стоять как следует, крышей вверх, а стрелки будут направлены на горы Катус.

По направлению одной стрелки теперь в Катус хорошо была видна двуглавая вершина, показанная и на плане, но по направлению второй стрелки в Катус виден был склон какой-то горы, а на плане – острая вершина и рядом ущелье.

– Это фанза не та, которую мы ищем, – сказал я, и Лобсын согласился, взглянув на план и на Катую.

Мы пошли дальше по руднику на восток, переходя от фанзы к фанзе, причём приходилось обходить зиявшие устья шахт. У каждой фанзы останавливались и прикидывали план. Двуглавая вершина всё время видна была в Катую по направлению одной стрелки, но острая вершина и ущелье не появлялись. Так мы дошли до последней фанзы, у которой и двуглавая вершина почти спряталась за другой более близкой горой.

– Первый рудник Чий-Чу обманул нас! Попробуем на втором, он тут недалеко, – сказал Лобсын.

Мы сели на коней и поехали дальше на восток по таким же пустынным холмам с жалкой растительностью. Солнце уже опускалось к гребню гор Катую. Я подумал, что мы не успеем кончить осмотр, и сказал это Лобсыну. Но тот был охвачен азартом и заявил: – Второй Чий-Чу близко! – и поскакал вперёд.

Действительно, через несколько минут мы подъехали к этому руднику, совершенно похожему на первый. Такие же холмы, линии ям-шахт и остатки фанз вдоль них. У первой фанзы мы спешили и прикинули план. Одна стрелка тянулась на северо-запад опять к двуглавой вершине, но не той, которую мы видели с первого рудника, а какой-то другой. Вторая стрелка на северо-восток показала острую вершину, но без ущелья рядом.

– Опять что-то не так! – сказал я.

– Нет, по-моему, близко! – заявил Лобсын. – Скоро найдём.

Мы опять стали переходить от фанзы к фанзе. У шестой, стоявшей не у самой линии шахт, а немного в стороне и возле небольшого холмика, обе стрелки точно показали то, что было изображено на плане: одна – двуглавая вершина, другая – острая и рядом с ней, на южном склоне Катую, глубокое ущелье, которое раньше закрывалось от нас каким-то отрогом гор.

– Ну, вот, видишь, Фома! План правильный. В этой фанзе закопано золото! – воскликнул Лобсын.

– Пожалуй, было закопано! – сказал я. – А лежит ли ещё? Ведь уже минуло тридцать лет с тех пор. Многие могли за это время шарить тут по фанзам, искать, не осталось ли что от рудокопов. Смотри – двери, окна и крыши растащили дочиста.

– Крыши, двери, окна могли сгореть. А рыть землю в фанзах искателям золота было некогда и не к чему. Рудокопы прятали золото в своих шахтах, а не в фанзах. Да и много ли золота могло быть у каждого рудокопа?

– А в этой фанзе, – продолжал Лобсын, – жил не рудокоп, а чиновник китайский, мандарин, который принимал золото от рудокопов для сдачи в казну. Вот у него и могло быть золота побольше. Китаец, который жил у моего отца, был не простой рудокоп.

Фанза, действительно, отличалась от остальных, в которых жили рудокопы. Последние были меньше, все в одну комнату, половину которой занимал кан, с одним окном и дверью. А в этой были две комнаты и кан только в задней, которая имела два окна и дверь в первую. Мандарин, принимавший золото, спал в задней комнате, а в передней принимал рудокопов.

– Где же начнём рыть? – спросил я.

– В задней комнате, – сказал Лобсын. – Там чиновник спал, там и прятал золото.

Кан в этой комнате уже осел и превратился в кучи глины с щебнем. Но где было зарыто золото? В топке кана или в полу комнаты возле него? Я предложил прорыть канавку поперёк всей задней комнаты вдоль кана. Нужно было торопиться, солнце уже скрылось за горами Катую.

Мы привязали лошадей в первой комнате и принялись за работу. Я дробил кайлой затвердевшую почву, а Лобсын выгребал её маленькой сапёрной лопаточкой, которую я взял у консула. Эту канавку, глубиной и шириной в четверть, мы провели от двери из первой комнаты вдоль кана до окошка во второй. Вырытую почву выбрасывали через стену фанзы. Почва была очень твёрдая, глина со щебнем, и работа подвигалась медленно.

В канавке, кроме глины с мелким щебнем, ничего не вскрыли, пока не подошли к самому окошку в боковой стене задней комнаты. Здесь я откопал несколько кусков белого кварца, хотел их выбросить, но вспомнил, что золото в жилах рудника сидит в кварце. Поднял один кусок, обтёр его от глины и увидел, что весь кварц был пронизан жилочками и крапинами ярко-желтого цвета. Это было золото. Я показал кусок Лобсыну.

– Вот тебе и клад мандарина! Он, видно, отбирал у рудокопов куски кварца с богатым золотом, – сказал я.

Из этой части канавки мы выбрали восемь кусков такого же богатого кварца, но в общем по оценке на глаз в них могло быть фунта два золота, не больше.

– Неужели это весь зарытый клад? – подумал я. – Но где же искать дальше? Взрывать ли весь пол перед каном?

Между тем солнце уже село и стало ясно, что до ночи мы не успеем кончить эту работу. Я сказал это Лобсыну.

– Останемся здесь ночевать, – ответил он, очевидно увлечённый добычей. – Воды для чая мы привезли. Завтра чуть свет кончим и поедем на Ангирты отдыхать.

– А что же кони? Они всю ночь простоят голодные. Отпустим их, что ли?

– Никак нельзя. Корм плохой, они уйдут далеко. А волков здесь много, они в старых шахтах живут, норы готовые для них. Коней нельзя отпустить, волки загонят их. Постоят до утра в фанзе подле нас. И вот что. Пока ещё видно – наберём побольше хворосту, чтобы всю ночь огонёк держать, а то волки и до коней, и до нас доберутся.

Ночёвка не обещала ничего приятного. Но и мне не хотелось уезжать. Между тем никто, конечно, не мог заехать сюда ночью и закончить раскопки. За целый день мы не встретили ни одного человека во всей этой местности и могли бы спокойно уехать ночевать на речку Ангирты и утром вернуться.

Мы поспешно начали собирать топливо, вырывая кусты караганы, полыни, эфедры, попался кое-где и аргал. Наворотили возле фанзы целую кучу, нашли в соседней фанзе несколько полусгоревших жердей от крыши.

Кони стояли у нас в первой комнате фанзы, а мы расположились в её дверях, развели огонь, поставили котелок. Ночь уже наступила, на небе засверкали звёзды между лёгкими облачками, надвигавшимися из-за гор Катугу.

Чай поспел, достали чашки, баурсаки, сухари. Сидим у маленького огонька, пьём чай, закусываем. И вдруг недалеко от нас раздался протяжный и низкий вой, на который кони ответили храпом.

– Волк, – сказал Лобсын. – Подаёт сигнал другим, что нашёл добычу, с которой в одиночку не может справиться.

– Созывает их на помощь, – подтвердил я. – Сколько их набегит? Нужно приготовить ружья, у меня десять патронов с картечью и пять с крупной дробью.

– А ливорвер не забыл? – спросил Лобсын, который никак не мог запомнить слово револьвер.

– С собой, шесть пуль и столько же в запасе.

– Хватит, пожалуй! Не сотня же соберётся.

Двустволку и при ней патронташ я оставил в углу фанзы, а револьвер в седельной сумке. Принёс и то, и другое, зарядил двустволку картечью и поставил под рукой, револьвер положил возле себя.

– Придётся нам, видно, не спать всю ночь! – заявил Лобсын. – Коням дадим по две горсти сахарей и несколько баурсаков. Кормушки у меня с собой.

Вой повторился, но в отдалении и с перерывами, в трёх-четырёх местах.

– Отзываются на призыв. Но пока горит огонь – близко не подойдут.

При свете огонька мы насобирали ещё вокруг фанзы всё, что могло гореть, вплоть до самых мелких кустарников. При этих сборах Лобсын отошёл немного дальше и возле ямы-шахты увидел волка, который быстро скрылся в шахту.

– Я бросил вслед ему большой камень и, должно быть, попал, он завизжал там в шахте, – сообщил калмык, сбрасывая охапку хвороста.

Мне очень хотелось спать, и я сказал: – Нам обоим караулить не нужно. Будем по очереди, один у огонька, другой вздремнёт.

– Ладно. Я ещё не хочу спать, Покараулю.

Я прислонился к стенке фанзы и сразу заснул. Приснилось мне, что мы опять роём землю в фанзе при каком-то странном красном свете и нагребли уже целые кучи кварца. Повернуться некуда в фанзе, а всё ещё попадают целые глыбы, и я ворочаю их легко, словно куски хлеба. А Лобсын роет рядом и что-то приговаривает, – и вдруг вместо него, вижу, роет волк, лапами землю разгребает, а зубами хватается кварц и рычит. Повернулся ко мне, широко раскрыл пасть, высунул язык – и зубы у него все блестят, золотые. И внезапно бросился на меня, сильно толкнул в грудь лапами, а золотыми зубами щёлкнул перед самым носом.

Тут я проснулся, потому что Лобсын теребил меня за плечо.

– Погляди-ка, Фома! караульщики клада собрались, хотят помешать нам взять золото.

Я протёр глаза. Наш маленький огонёк освещал только несколько сажён впереди фанзы, а дальше, шагах в двадцати, в темноте светилось несколько пар волчьих глаз. Когда пламя вспыхивало, охватывая новый кустик, положенный на огонёк, я различал морды, насторожённые уши и контуры тел. Я насчитал девять пар этих глаз в охватившем нас полукруге.

Вдруг наши кони захрапели, затопали, и Лобсын, вскочивший на ноги, едва успел схватить уздечку и остановить своего коня, который напирал на меня, стараясь выскочить из фанзы. Очевидно, какой-нибудь волк подобрался к задней стене фанзы, остававшейся в темноте, и напугал коней, может быть, старался перелезть через стену. Я схватил горящий куст и перебросил его через фанзу.

Расчёт волков был ясен. Если бы им удалось выгнать коней из фанзы, животные в панике бросились бы куда попало. В холмах, пересечённых в разных направлениях линиями глубоких ям-шахт, кони легко могли споткнуться, попасть при бешеной скачке передними ногами в яму и немедленно сделаться добычей хищников, преследующих их целой стаей.

Я зажёл другой кустик, обошёл с ним фанзу и заметил ещё пару волков, которые скрылись в темноте.

Нужно было разогнать осаду, которая становилась угрожающей. Я велел Лобсыну подкинуть топлива и, когда можно было различить, кроме глаз, и контуры тел, приложился и выстрелил картечью в волка, стоявшего боком шагах в тридцати.

Он подскочил и упал, светящиеся глаза исчезли, стая отбежала. Но немного позже волки вернулись и стали оттащить убитого подальше, чтобы его растерзать. Это дало мне возможность выстрелить ещё раз в кучу тащивших свою жертву, и они разбежались. Некоторое время было тихо, но потом с той стороны, куда утащили труп, послышалось чавканье, ворчанье и хруст костей.

Затишье позволило нам беречь топливо. Но через полчаса в темноте опять в нескольких местах полукруга засветились глаза. Первая жертва только раздражила аппетит. Я вынул часы: было четверть первого и до рассвета оставалось часа три. Куча топлива у нас сильно сократилась, хотя куски жердей ещё остались.

– Подкинь кустик, Лобсын! – оказал я, готовя ружьё.

Огонь вспыхнул и озарил волков. Я целился в двух, сидевших друг возле друга на задних лапах. Один, очевидно раненый, отскочил с визгом, второй, убитый наповал, покатился по склону холмика и свалился в устье шахты у подножия.

Остальные сначала скрылись, но потом один за другим пробрались в шахту, чтобы разделиться с убитым. Это опять позволило нам сберечь топливо.

Но тут кони снова захрапели, и мы оба вынуждены были вскочить и загородить собою дверь фанзы, чтобы напуганные животные не выскочили из неё. Они, храпя, напирали на нас. За ними над задней стенкой фанзы я различил глаза волка, очевидно, стоявшего на задних лапах. Момент был критический. Хотя револьвер был у меня в кармане, но рвавшиеся кони не давали возможности высвободить руку и даже, если бы это удалось, я не мог бы прицелиться и выстрелить возле самой морды лошади. От этого она бы совершенно обезумела.

К счастью, конь Лобсына вскинул задом и обеими ногами ударил по задней стенке. Глаза волка исчезли. Мы с трудом успокоили коней, и, пока Лобсын держал их, я подкинул топлива, взял в левую руку горящий куст, в правую револьвер с взведённым курком, обогнул фанзу и выстрелил в убежавшего волка, когда он был ещё шагах в семи от меня. Он упал, но тотчас же вскочил и на трёх ногах ускакал. Я, видимо, перешиб ему заднюю ногу.

Во избежание новых попыток волков пробраться в фанзу с задней стороны мы развели там второй маленький огонь и поддерживали его всё время. Но из-за этого уже не было возможности подбрасывать по временам больше топлива в костёр спереди, чтобы видеть силуэты волков и вернее целиться в них. Пришлось изредка стрелять в темноту, целясь ниже светящихся глаз, крупной дробью, сберегая патроны с картечью.

Наконец, уже в половине третьего, когда рассвет был близок, мы разожгли костёр остатками топлива, и я сделал два выстрела один за другим по волкам, собравшимся кучкой вокруг одного, вероятно издохавшего. Всем, очевидно, хорошо попало, так как они отбежали и больше не появлялись.

Но вот стало светать. Из темноты мало-помалу выступали холмики, ближайšie фанзы, отвал белого кварца у одной из шахт, а звёзды меркли и исчезали. Кони успокоились. Мы насыпали в кормушки по хорошей порции сухарей и повесили их на морды. У нас осталось ещё немного холодного чая, который поставили на догоравший огонь. После такой тревожной ночи подкрепиться чашкой горячего чая было очень приятно.

Как только совсем рассвело, мы возобновили раскопку. Канавку, доведённую накануне до боковой стенки фанзы под окошком, мы повернули вдоль неё, к передней стенке, и сразу же откопали ещё десяток кусков кварца с золотом и, наконец, в самом углу у передней стенки нашли глиняный горшочек с узким горлышком. Он лежал на боку, а горлышко было закрыто кожаной пробкой, залитой воском. Горшочек был очень тяжёлый.

– Вот это самый настоящий клад! – воскликнул я, когда Лобсын отгрёб разрыхлённую землю и вынул горшочек.

Я поднял его: на воске пробки видна была печать с китайским иероглифом. Горшочек весил около десяти фунтов.

– Не будем открывать его здесь, – предложил Лобсын. – В нём, конечно, чистое золото, которое чиновник получил от рудокопов и не мог увезти в город, опасаясь, что по дороге туда дунгане остановят его и золото отберут.

– Нужно ещё покопать, – предложил я, – чтобы потом не каяться.

Мы продолжили канавку вдоль передней стенки, но ничего не обнаружили. Точно так же раскопка в другом углу комнаты и в двух местах среди неё не дала ничего, кроме мелкого щебня, такого же, как и вообще в почве холмов.

– Ну, каково, Фома? – спросил Лобсын, закончив последнюю ямку и бросив лопатку. – Видишь, я тебя не обманул. Старый китаец оставил здесь золото, а в книжке правильно записал, где оно закопано. Теперь у тебя будут деньги, чтобы купить хорошего товара и отправить меня с караваном.

– А у тебя будут деньги, чтобы купить хороших верблюдов и нанять себе в помощь погонщика, – сказал я.

– Мне не нужно это золото! – возразил Лобсын. – У меня хорошая юрта, немного скота, жена. Я буду водить твой караван, ты будешь платить мне больше за работу, и я буду жить ещё лучше, чем до сих пор. Ведь ты меня из нищего и бродяги человеком сделал, и всем, что у меня есть, я тебе обязан.

Очень удивил меня Лобсын своим бескорытием и обрадовал своей преданностью. Но я не мог согласиться взять себе всё золото и заявил ему решительно:

– Половина этого клада принадлежит тебе. Ты купишь хороших верблюдов, коней, быков, баранов и сделаешься большим баем. У тебя будет несколько хороших юрт...

– И как только наш князь Кобук-бейсе, – прервал меня Лобсын, – узнает об этом богатстве, он всё отнимет, а меня посадит в тюрьму при монастыре. Ты не знаешь этого человека. Я не могу сразу разбогатеть, а богатым бездельником быть не хочу.

– Чего же ты хочешь, Лобсын?

– Я люблю водить караваны по нашим степям и горам, люблю быть хозяином каравана, смотреть новые места, новые города, людей.

– Понимаю! Ты хочешь, чтобы твоё богатство объявилось не сразу, а получалось мало-помалу при торговле. Хорошо. Твоё золото я буду хранить у себя и отдавать тебе понемногу, когда захочешь. Ты согласен?

– Если ты так хочешь, Фома, чтобы половина клада была за мной – считай меня своим компаньоном по караванной торговле и распоряжайся золотом, как торговым капиталом. Будем вдвоём работать, как раньше. Никогда у нас ссоры не было, жили мы с тобой дружно, друг другу помогали, так и будем дальше, чтобы это золото нас не разделило. Не то я буду жалеть, что нашёл книжку и затеял это дело.

Рассуждения Лобсына были разумны. Я уже знал условия жизни в провинции Синьцзян, слышал о произволе китайских амбаней и монгольских князей. Я, как русский подданный, имел защиту в лице консула, а Лобсын был вполне во власти своего князя. Если бы Лобсын покупкой скота и вещей обнаружил, что у него завелись деньги, князь начал бы вымогать их под разными предлогами и разными мерами. Сообщить китайской или монгольской власти о нашей находке мы не намеревались, так как это вызвало бы просто конфискацию золота. Ведь мы не знали, являлся ли китаец, зарывший золото, чиновником, собиравшим его у рудокопов для сдачи в казну, или же арендатором рудника, получавшим золото от своих рабочих. В первом случае золото принадлежало китайскому государству, а во втором – китайцу, жившему и умершему у отца Лобсына. Не мог бы выяснить это и амбань Чугучак, и в лучшем случае, при вмешательстве консула, он завёл бы переписку с Пекином для решения этого вопроса, что затянулось бы на несколько лет.

Поэтому наиболее благоразумным было не говорить никому о находке и использовать её мало-помалу и осмотрительно.

Закончив раскопки, мы заровняли канавки, вырытые в фанзе, оседлали лошадей, куски кварца и горшочек разложили по нашим заседельным сумам и уехали назад. Через час мы остановились на реке Ангырты, отпустили голодных коней на корм, развели огонь, сварили чай, плотно позавтракали, а затем по очереди поспали часа по два.

Хорошо отдохнувши, около полудня мы поехали дальше. Лобсын направился не по прежней дороге, а вверх по Ангырты.

– Мы разве не заедем ночевать на твою летовку? – спросил я.

– Нет, едем прямо в Чугучак. В юрте мы бы сняли сумы, ребяташки любопытные, увидели бы кварц с золотом, пошли бы расспросы, где были, откуда накопили. А степное ухо, Фома, сам знаешь, длинное. Сегодня сказал в одной юрте или одному встречному человеку, а завтра будут знать на сто вёрст кругом, что Лобсын и Фома нашли золото в Джаире. Меня потребует князь к себе, а тебя – амбань через консула, чтобы выяснить, где и что нашёл. Ведь копать золото без разрешения нельзя.

Пришлось признать, что Лобсын поступил правильно, не заезжая к своим. В Чугучаке мы могли лучше сохранить тайну о находке.

Речка Ангырты, вверх по которой мы поехали через северную цепь Джаира, сначала извивалась по ущелью между рощами тополей, тальника и разных кустов, окаймлёнными зарослями чия. Мы миновали уединённую зимовку киргизов в виде глинобитной фанзы среди огороженной лужайки. Возле фанзы высилась пирамида из чёрных кусков, вылепленных из овечьего и козьего навоза; это был запас топлива на зиму, заготовленный заботливым хозяином.

Теперь здесь было пусто, хозяева ушли на летовку выше в горы, фанза проветривалась, дверь её была открыта.

Дальше кусты и рощи по речке поредели, ущелье перешло в долину. На одном из её склонов я заметил странные углубления вроде небольших пещерок и ниш, которые тянулись друг над другом в несколько ярусов на протяжении сотни шагов.

– Что это, тоже зимовки? – удивился я.

Лобсын засмеялся.

– Таких нор в Джаире много найдёшь, но никто в них не живёт.

– Кто же вырыл их? Люди или звери?

– Кто их знает. Камень какой-то гнилой, должно быть. В норах, если потрогать его, он рассыпается, а ветер выметает мелочь. В таких норах бараны и козы зимой от пурги укрываются.

Я рассматривал с удивлением эти странные впадины в жёлто-розовом камне склона. Они походили на ячеи, которые жуки выгрызают в старом дереве, но были гораздо больше. В одних человек мог свободно сидеть, в других даже стоять сгорбившись. Иногда две или три ниши находились рядом, разделённые только каменным столбиком, а в глубине соединялись, и человек мог бы расположиться на ночлег, вытянувшись во всю длину. И всего удивительнее было то, что на самом склоне в трещинах камня укрепились мелкие кустики, пучки травы, какие-то цветочки, а в нишах их совершенно не было. Нельзя было поверить, что ни люди не вырубали, ни животные не вырыли эти норы в сплошном твёрдом камне.⁴

Часа два мы ехали по долине Ангырты, поднялись в её верховьях на ровную поверхность Джаира, описанную выше, спустились с неё в долину северного склона и выехали по ней опять на степь Долон-турген между Джаиром и Уркашаром. Заночевали на речке Ушеты в чёрных ветреных холмах и на следующий день к вечеру прибыли в Чугучак.

Всю дорогу меня мучил вопрос, где спрятать наш клад в Чугучаке. Нанятая мною фанза во дворе лавочника плохо запиралась, не имела окна, и днём пришлось бы держать дверь открытой. Во дворе бегали дети, ходили разные люди. Кварц с золотом нужно было истолочь и промыть, делать это на людном дворе, добывая воду для промывки из колодца, было невозможно. Нужно было спешно искать себе более уединённую и удобную квартиру. Выручил случай. Едва мы въехали во двор, расседлали лошадей и зашли в фанзу, пришёл хозяин дома и сказал:

– Тебя три раза спрашивал новый приказчик, ему по спешному делу нужно видеть тебя.

Я, конечно, сейчас же пошёл на свою старую квартиру, оставив Лобсына караулить фанзу. Во дворе старой квартиры застал суету. Тюковали товар, чинили верблюжьи сёдла. Под навесом стояло десятка два верблюдов. Приказчик при виде меня обрадовался.

– Слава богу, что вы объявились, Фома Капитонович! – воскликнул он. – Не хотите ли вернуться на свою квартиру? Я не нашёл надёжного помощника и сам поведу караван, месяца

---

⁴ Кукушкин видел ниши и ячеи выветривания в твёрдом граните, часто встречающиеся не только в Джаире, но и во многих странах с континентальным климатом. Их создаёт механическое и химическое выветривание, а ветер выметает мелкие продукты выветривания – зёрна минералов, потерявшие связь друг с другом. Ниши особенно часты в гранитах и в некоторых песчаниках. – *Прим. автора.*

два буду в отсутствии, а при складе некого оставить. Вы поживёте тут, пока я не вернусь назад, и склад будет под надзором. На вас я могу положиться!

Забыл, негодяй, как он спешно выселил меня 10 дней тому назад из квартиры, хотя мог дать мне время для приискания новой. Но я не хотел припомнить обиду, потому что предложение меня очень устраивало. Поэтому я сказал ему:

– Ладно, могу вернуться на старое пепелище. Только склад ваш принимать не стану. Вы его заприте и запечатайте, я буду жить как караульный.

Он поморщился.

– Я рассчитывал, что вы могли бы пока и продавать товар посетителям. Два месяца лавка будет на запоре. Хозяевам убыток!

– Нет уж, увольте! Принимать от вас наличность, потом сдавать вам. Опять будете перемеривать весь товар. Слуга покорный!

Он начал уговаривать меня, но я не уступил, и ему пришлось согласиться.

– Если так, приходите завтра с утра, я в обед хочу уехать, – закончил он разговор.

На следующий день я вернулся утром на свою старую квартиру. Караван уже начали выючить. Приказчик при мне запер склад и, кроме замков, привесил на скобах ещё верёвочки и припечатал их на бумажках своей печатью. Распрощались дружески, караван ушёл, а через четверть часа Лобсын привёл наших коней, навьючив на них моё скудное имущество.

Мы заперли ворота и расположились во дворе. Двор имел ту особенность, что через него протекал маленький арык, т. е. ручей, отведённый из русла одной из горных речек, которые стекают с гор Тарбагатая и орошают весь оазис Чугучака – его улицы, окружающие сады и огороды, а также пашни окрестностей города. Таким образом, вода для промывки золота была под рукой, и мы могли, не торопясь, и без свидетелей выполнить эту работу. Но нужно было раздобыть ещё большую ступку, чтобы размельчить куски золотоносного кварца. Я нашёл её у хозяина постоянного двора по соседству, который употреблял её, чтобы дробить горох. В Китае лошадей и мулов кормят не овсом, а полевым горохом, который дробят и распаривают горячей водой.

Мы спокойно устроились в моей бывшей квартире при складе. Сначала вскрыли горшочек, привезённый с золотого рудника. В нём оказалось мелкое золото, добытое китайскими рудокопами из кварцевых жил Чий-Чу. Они размалывали кварц в больших чашах, составленных из нескольких обделанных глыб твёрдого гранита. Я забыл упомянуть раньше, что на первом руднике мы видели такую чашу. Она имела около двух аршин в диаметре и по окружности борт высотой в четверть. Размол мелких кусков кварца выполнял каменный вал диаметром в пол аршина и длиной в аршин, который катился в чаше вокруг вертикальной оси. Он был прикреплен к этой оси одним концом, а к другому концу его, в который была вставлена деревянная жердь, припрягали лошадь или осла. Бегая по кругу вокруг чаши, животное приводило в движение вал, который катился вокруг оси и давил кварц. В чашу по жёлобу поступала вода и затем вместе с кварцевым песком и золотом выливалась через отверстие в борту на наклонную плоскость, представлявшую то, что называется вашгердом золотоискателей, на котором под постоянно текущей водой более тяжёлые частицы золота остаются у верхнего края, а более лёгкий кварцевый песок сносится дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.